

Секция «Мировая политика»

КНР как фактор баланса сил в Восточной Азии после Холодной войны

Машура Анастасия Викторовна

Студент

Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Институт

международных отношений, Киев, Украина

E-mail: vmestenvavsegda@mail.ru

Баланс сил – это определение такой ситуации, в которой силовые отношения между государствами или группами государств находятся в состоянии приблизительного или полного равенства, когда сила в буквальном смысле этого слова уравновешена другой силой [3]. С другой стороны, баланс сил можно рассматривать как эффективный внешнеполитический инструмент или как одно из возможных состояний международных отношений [1].

В Северо – Восточной Азии завершение Холодной войны не стало толчком для государств проводить более самостоятельную и динамичную политику в сфере безопасности [2]. В Восточной Азии институциональные механизмы регулирования безопасности являются неэффективными вследствие ряда нерешенных региональных проблем и неопределенности самоидентификации государств в формировании коалиций с внерегиональным игроком – США. Шестисторонний механизм, АРФ и East Asia Forum в этом направлении себя не оправдали. Создание АРФ и попытка вывести его на качественно другой уровень была не в последнюю очередь вызвана волнением региональных государств ускоренной милитаризацией КНР, а также тем, что малые государства и региональные государства среднего уровня пытались склонить КНР отказаться от традиционно негативного восприятия мультилатерализма и сделать свою политику более открытой (КНР имеет значительный конфликтный потенциал, которой при определенных условиях может проецироваться вовне: неравномерное развитие, проблемы прав человека, экологические проблемы и т. д.).

После завершения Холодной войны КНР и Япония могли побороться за статус великих государств, но Япония упустила свой шанс стать «нормальным» государством, которое самостоятельно занимается вопросами собственной безопасности, хотя нельзя не отметить, что система экономических отношений в регионе базируется именно вокруг этих двух центров. Бесспорно одно: сегодня КНР и США пытаются сдерживать друг друга. И если сдерживание гегемоном других сил является делом «обыкновенным», то сдерживание гегемона крупным региональным государством является довольно нетипичным случаем. В начале 90-х гг. КНР провозгласила доктрину малых шагов в своей внешней политике, таким образом перестав атаковать систему американских альянсов в регионе. Это дало возможность КНР сконцентрироваться на экономическом развитии, открыв доступ не только к азиатскому, но и к американскому рынкам. Если в сфере экономики такая политика была довольно успешной, то в сфере безопасности наблюдаем обратный результат из-за того, что значительное силовое преимущество США в регионе не может не рассматриваться Китаем как угроза собственной безопасности. Проекция военной силы со стороны США в регионе в несколько раз выше, чем аналогичная китайская. Китайскую концепцию кооперативной безопасности для стран региона можем, таким образом, рассматривать в двух направлениях:

либо как механизм снижения вмешательства США в региональные дела, либо как попытку создать собственный внутриазиатский механизм безопасности, в котором КНР могла бы играть роль лидера. Мобилизовать государства среднего уровня в регионе сегодня крайне сложно, ведь стратегические интересы государств в большинстве случаев не совпадают, а также присутствует феномен кросс-сдерживания, когда союзники США разыгрывают между собой китайскую карту, чтобы сдерживать друг друга.

Сегодня слишком рано говорить про стабильный баланс сил в Восточной Азии, регионе, гетерогенном по своей природе. В регионе сохраняется традиционное, «жесткое балансирование», хотя его проявления далеки от гонки вооружений (здесь особенно следует учитывать техногенный и модернизационный фактор, помимо расходов на вооружение), которую нередко называют среди факторов, определяющих современную ситуацию в регионе. Балансирование США и КНР имеет сегодня скорее геополитический характер: все территории континентальной Восточной Азии, кроме Республики Корея, де-факто находятся в зоне влияния КНР, в то время, как США доминируют в морской Юго – Восточной Азии, обеспечивая себе доступ к транспортным путям, соединяющим восточную Азию и Ближний Восток [5].

Для региональных государств существует две модели балансирования – внешнее и внутреннее. Учитывая то, что КНР не в состоянии создать систему союзов вокруг себя, она наращивает собственную военную мощь. При этом объектом такого балансирования является не Япония и не Республика Корея, а непосредственно Тайвань. В свою очередь государства, находящиеся под американским «зонтиком», сдерживают КНР не только как силу, которая набирает все больший вес в региональной подсистеме. Важным для понимания такого сдерживания является то, что группа государств может воспринимать отдельно взятое государство как «общую угрозу», что является характерным именно для региональных подсистем. В случае с КНР такая угроза ассоциируется с ревизионизмом. Для осуществления внешней политики КНР первоочередным приоритетом является тайваньский вопрос, что показывают все внешнеполитические доктрины КНР (здесь следует также учитывать фактор значительного американского присутствия в Тайваньском проливе). К тому же, КНР понимает возможные последствия превращения системы азиатской ПРО ТВД в стратегическую. Под задачу уменьшения американского влияния на решение проблемы двух Китаев подведено и размещение войск КНР вокруг Тайваня, чтобы в гипотетическом конфликте КНР могла нанести значительный ущерб американским войскам в проливе [4].

Возможной альтернативой сдерживания США для КНР является уплотнение сотрудничества с РФ. Но на сегодняшний момент значительная конвенционная слабость последней, а также несовпадение по основным стратегическим сферам (для РФ большее значение играют вопросы НАТО) сегодня делает попытки превратить ШОС в многосторонний механизм по поддержанию безопасности непродуктивными.

Биполярная динамика сил в Восточной Азии имеет еще одну особенность: КНР в регионе является одновременно растущей и доминирующей региональной силой, пытаясь сохранить относительное преимущество в силе, в то время как США пользуются наступательным реализмом, наращивая собственное военное присутствие в регионе. Существует несколько сценариев развития ситуации – когда наращивание военной силы сопровождается четким пониманием угроз и не ведет к конфликту и возможной гонкой вооружений и обострением дилеммы безопасности (вероятность второго сегодня

значительно уменьшается в связи с тем, что государства используют разные группы вооружений и имеют преимущества каждое в своем вероятном театре боевых действий, а также с тем, что несмотря на провозглашенную «глобальную доктрину», основная сфера интересов КНР на современном этапе все же находится именно на региональном уровне).

Литература

1. Капитоненко Н. Г. «Баланс сил и организация международной системы». - Киев, 2006.
2. Buzan B., Waever O. Regions and Powers. The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. Claude I. Power and International Relations. – New York: Random House, 1962. – P13.
4. Cooney K., Sato Y. The Rise of China and International Security: America and Asia Respond. – Routledge, 2008.
5. Paul T., Wirtz J., Fortmann M., Balance of Power: Theory and Practice in the 21st Century. – Stanford: Stanford University Press, 2004.